

Г. Н. ОБРАЗЦОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЗАКРЕПОЩЕНИЯ КРЕСТЬЯН НА СЕВЕРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ)

История закрепощения крестьян в Русском государстве принадлежит к числу проблем, которые всегда привлекали пристальное внимание исследователей. Дореволюционная историография по этому вопросу, накопив огромный фактический материал, не могла дать сколько-нибудь удовлетворительного решения проблемы закрепощения крестьянства; теории указного и безуказного происхождения крепостного права оказались несостоятельными. Советская историческая наука, вооруженная марксистско-ленинской методологией, раскрыла закономерности и создала ясную картину развития феодальных отношений и их важнейшего атрибута — крепостного права. В трудах Б. Д. Грекова, И. И. Смирнова, Л. В. Черепнина, А. А. Новосельского, А. Г. Мацькова и многих других исследователей дан глубокий анализ проблем истории крестьянства России в эпоху феодализма. Интересные наблюдения по вопросам формирования крепостного права в XVI—XVII вв. проведены А. Н. Сахаровым, В. И. Ко-рецким.

Не претендуя на широкие обобщения, настоящая статья рассматривает процесс закрепощения крестьян в конце XVI—первой половине XVII в. на примере вотчины Антониево-Сийского монастыря.

История возникновения и развития вотчины Антониево-Сийского монастыря не представляет какого-либо исключения по сравнению с другими русскими монастырями.¹

¹ Типичную картину основания монастырей и быстрого распространения их влияния на окружающие крестьянские миры рисуют в своих исследованиях А. А. Новосельский (Феодальное землевладение. Боярство, дворянство и церковь. В кн.: Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955), И. У. Будовниц (Из истории монастырского землевладения в XIV—

Основанная в 1520 г. монахом Антонием на р. Сип, в глухих лесах Двинского края, скромная обитель через несколько десятков лет превращается в крупный и влиятельный монастырь, владения которого простираются почти по всему нижнему течению Северной Двины, охватывают побережье Белого моря по обе стороны от Архангельска, перебрасываются на Кольский полуостров. У монастыря появляются специальные дворы «на приезд старцев» для всевозможных торговых и деловых операций в Холмогорах, Архангельске, Вологде и даже в Москве.

Сила и влияние монастыря были направлены на то, чтобы расширить земельные богатства и втянуть в свои сети новые и новые массы крестьянского населения. Молибвы и проповеди, подкупы и подлоги, нужда и прямое насилие — все было использовано для этой цели. Далеко не последнюю роль играло и то обстоятельство, что государственная власть шла навстречу захватническим устремлениям монастыря, помогала удержать отнятые у крестьян земли. В результате уже к середине XVI в. Антониево-Сийский монастырь имел весьма обширное хозяйство, обслуживаемое десятками зависимых от него людей.

В этот период основная масса рабочей силы, занятой непосредственно в монастырском хозяйстве, состояла из наемных казаков (так обычно на Двине назывались сезонные наемные работники из крестьян или посадских людей). Казаки занимались для рубки леса и возки дров. Они возили монастырскую соль в дощаниках по Двине. Они же перевозили монастырские запасы из отдельных сел и деревень к монастырю. Казаки часто были заняты и на уборке урожая. Приходо-расходные книги Сийского монастыря содержат большое количество записей об использовании казаков на различных хозяйственных работах в монастырской вотчине, в том числе и связанных с монастырской пашней. Среди лиц, занятых на монастырских работах в эти годы, упоминаются монастырские детеныши и монастырские слуги. И казаки, и детеныши, и слуги монастырские — все эти люди, находившиеся в зависимости от монастыря, эксплуатируемые им, происходили из различных слоев населения. Все они — безусловно люди так или иначе обедневшие, не имеющие своего хозяйства, не связанные с землей. Но как бы широко ни использовался их труд в монастырском хозяйстве, особенно в первые десятилетия его существования, они не могли удовлетворить растущих запросов феодального хозяйства. Крестьяне, обладавшие не очень большим участком земли, имевшие свой хозяйственный инвентарь и рабочий скот, — вот кто мог вполне обеспечить запросы монастыря. И вот эти-то крестьяне, вместе с землями, на которых они сидели

XVI веках. Ежегодник по аграрной истории восточной Европы, 1960 г. Киев, 1962), М. Н. Тихомиров (Россия в XVI столетии. М., 1962).

и которые они обрабатывали, больше всего и интересовали монастырских старцев.

Единственным источником, дающим представление о количестве монастырских крестьян и бобылей, является Сотная грамота 1593 г.² Содержание Сотной грамоты дает возможность проследить примерную картину постепенного роста монастырской вотчины и количества людей, живущих в монастырских деревнях. Сотная грамота 1593 г. интересна тем, что она включает все предшествующие описания земельных владений Антониево-Сийского монастыря: описание, сделанное Иваном Петровичем Заболоцким в 50-е годы XVI в., описание Андреем Толстым в 1578 г. пожалованных монастырю 22 деревень Емецкого стана и описание 1587—1589 гг., проведенное Василием Звенигородским.

Сотная грамота начинает описание вотчины Антониево-Сийского монастыря с перечисления сел, деревень, починков и пожеп, которые были ранее включены в книги Ивана Заболоцкого. В монастыре тогда находилось 1 село, 1 слободка, 10 починков, 11 деревень и 5 пустошей. Названия этих населенных мест и угодий встречаются в купчих, данных и других документах на земли, приобретаемые монастырем в первой половине и в середине XVI в.

По Сотной грамоте 1593 г. здесь насчитывалось 35 дворов крестьянских с населением 41 человек (мужского пола) и 35 дворов бобыльских с населением 35 человек. Нельзя, конечно, утверждать, что столько же людей было в этих деревнях и 30 лет назад, но трудно предположить также и то, что все они появились здесь за последующие годы — после переписи Ивана Заболоцкого. Более точные данные, но тоже не абсолютные, могут быть приведены для конца 70-х годов XVI в. В 1578—1579 гг. Сийский монастырь получил по жалованной государевой грамоте 22 деревни. Деревни эти были отписаны Сийскому монастырю переписчиком Андреем Толстым. Все они, со ссылкой на перепись Андрея Толстого, внесены в Сотную грамоту. В деревнях этих к концу 70-х годов числилось 55 дворов крестьянских с населением 60 человек. Кроме того, было указано шесть дворов бобыльских с шестью бобылями. Ясно, что за эти десять лет не могло произойти сколько-нибудь существенных изменений в населении этих деревень.

Во всяком случае к 70-м годам XVI в. во владении монастырской вотчины было уже не менее сотни монастырских крестьян и до 40 бобыльских дворов. К началу 90-х годов XVI в. в монастыре насчитывалось 116 дворов крестьянских с населением 140 человек и 63 двора бобыльских, в которых жили 63 бобыля. Таким образом, с середины XVI в. количество зависимых людей в монастырской вотчине увеличилось более чем втрое. Что при-

² Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антониево-Сийского монастыря, № 633.

водило всех этих людей в монастырь и какова степень зависимости от монастыря крестьян тех деревень, которые попали в ведение монастырских властей? Безусловно, что здесь, так же как и в других феодальных хозяйствах, имели место и экономические и внеэкономические пути закабаления крестьян. Это подтверждается анализом некоторых документов, сохранившихся в монастырском архиве. Правда, документы эти очень немногочисленны и не всегда имеют прямое отношение к вопросу о путях закрепощения крестьян и формах их эксплуатации. Таковы, например, жалованные тарханские грамоты Антониево-Сийскому монастырю, предоставлявшие ему большие финансовые и судебные льготы. Эти грамоты дают известное представление о правовом положении крестьян, проживавших в монастырских деревнях.

Первую тарханную грамоту Антониево-Сийский монастырь получил в 1545 г. В грамоте прямо указывалось, что монастырские слуги и крестьяне, «которые у них учнут жити в монастыре и монастырских слободках и в деревнях и в пожинках и во дворах на Колмогорах и в Уне и в Неноксе», освобождаются от суда местных двинских властей и подлежат исключительно суду монастырскому. Двинские власти «не судят их ни в чем: ни в душегубстве, ни разбое, ни в татьбе с поличным». Монастырские крестьяне, в соответствии с тарханной грамотой, должны были целиком подляжать суду монастырских властей: «А ведает и судит своих монастырских слуг и крестьян игумен Антоний сам во всем или кому прикажет». Местные двинские власти, вплоть до наместника, не только не могли подвергнуть монастырских крестьян наказанию, но они не могли даже определить их виновность или правоту при их причастности к тому или иному делу, подлежащему рассмотрению в суде: «А прав ли будет или виноват монастырский крестьянин и он в правде и в вине игумену Антонию з братю и его приказчику, а двинские наместники и их тиуны не вступаютя ни в правого, ни в виноватого».³

Вместе с этим монастырь получал и финансовые привилегии, так как все поборы с крестьян, в том числе и в пользу государства, изымались у местных властей и передавались монастырю.

Судебные и финансовые права монастыря по отношению к монастырским крестьянам подтверждались и в более поздней тарханной грамоте от 8 декабря 1578 г. В новой тарханной грамоте говорилось: «...кто у них в монастырской вотчине на их земле учнут жити и повоприходчиков крестьян Сийского монастыря наши двинские и вологодские и всех городов наместники и дьяки и наместничьи тиуны и всякие их поплитные люди и земские судьи не судят ни в чем, ни в душегубстве, ни в татьбе, ни в разбое и приставов своих к ним не высылают и кормов и пошлин своих на них не емлют никаких».⁴

³ Сб. ГРЭ, т. I, № 109.

⁴ Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антониево-Сийского монастыря, № 864.

Финансовые и судебные льготы, предоставляемые тарханскими грамотами, ставили Антониево-Сийский монастырь в независимое положение по отношению к местным двинским властям и выборным земским органам. Положение это распространялось и на население монастырской вотчины, на тех слуг и крестьян, которые жили в монастырских селах, деревнях и почишках. «Мировая запись» от 11 февраля 1577 г. между двинскими данными старостами, представлявшими волостных крестьян, и старцем Антониево-Сийского монастыря Филофеем явно отличает положение монастырских крестьян от крестьян черных деревень. Из «Мировой записи» видно, что мирские крестьяне жаловались в Москву на крестьян монастырских, которые отказывались выполнять всякие волостные повинности. Дело решено в пользу монастырских крестьян. Они, оказывается, и не должны нести никаких волостных повинностей. «Мировая запись» указывает, что «все государевы подати, дани и оброки за наместный доход и в ратные казаки» вносит за них «игумен с братею».⁵

Наличие у монастыря финансовых и судебных привилегий порождало у некоторых черносошных крестьян иллюзии в отношении условий жизни крестьян монастырских.

Попавшие в силу тех или иных причин в затруднительное материальное положение, не справлявшиеся с обременительными мирскими повинностями крестьяне нередко сами обращались в монастырь в поисках защиты и покровительства. Однако избавление от мирских повинностей и обязанностей вовсе не освобождало их от повинностей в пользу монастыря. Позднее, почувствовав на себе всю тяжесть эксплуатации монастыря, они уже не могли избавиться от его власти. Здесь крепостническое государство, которое обеспечивало возможность внеэкономического закабаления крестьян, шло навстречу монастырю.

Возможность внеэкономического принуждения крестьян феодальными собственниками обеспечивалась прежде всего специальными государственными актами и распоряжениями, совокупность которых и дала то, что получило определение крепостного права. Подробное и аргументированное освещение вопроса о формировании крепостного права в Русском государстве в конце XVI—начале XVII в. мы находим в исследованиях В. И. Корецкого.⁶

Но не только акты общегосударственного значения приводили к внеэкономическому принуждению крестьян. Сюда следует отнести и акты местного значения, всевозможные жалованные грамоты на земли. Имелись также и в Антониево-Сийском монастыре. Так, в 1578 г. волостные крестьяне 22 деревень, расположенных в пределах Емецкого стана, земли которого вплотную

⁵ Там же, № 448.

⁶ В. И. Корецкий. 1) Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. История СССР, 1957, № 1; 2) К истории формирования крепостного права в России. Вopr. истории, 1964, № 6.

примыкали к монастырской вотчине, оказались монастырскими. Это произошло потому, что специальной жалованной грамотой царя Ивана IV от 8 декабря 1578 г. указанные 22 деревни вместе со всеми землями и крестьянами, сидевшими на этих землях, были переданы Антошиеву-Сийскому монастырю в обмен на удаленные от монастыря участки. В грамоте говорилось: «И яз царь и великий князь Иван Васильевич пожаловал есми игумена Питирима з братиею, дал есми к монастырю лесов и озерок и всяких угодий на две стороны к Сии да к Хоробрице в длину на шесть верст на сторону, а на третью сторону к Емце на пятнадцать верст, а на четвертую сторону к Каргополю на 50 верст».⁷

Отвод пожалованных монастырю земель и был произведен переписчиком Андреем Толстым 18 сентября 1579 г.⁸

Отводя все эти земли в Сийский монастырь, никто, разумеется, не спрашивал мнения непосредственных владельцев — крестьян. Последним же было далеко не безразлично, быть ли просто волостными крестьянами или превратиться в крепостных монастыря. И именно поэтому мы можем наблюдать очень длительную и упорную борьбу крестьян с монастырем за землю и за свою свободу. Борьба эта продолжалась вплоть до Уложения 1649 г., когда всякая надежда на возвращение земель и на освобождение самих крестьян от власти монастыря была окончательно утеряна.⁹

Совершенно независимо от того, как попадали крестьяне в зависимость от монастыря — экономическим ли закабалением или путем внеэкономического принуждения, — они становились объектом монастырской эксплуатации. Монастырь пользовался результатами труда крестьян в виде феодальной ренты — денежной, натуральной или отработочной. В разные периоды преобладала та или иная форма ренты, и изменение их происходило «под влиянием общего экономического развития страны — под действием складывания всероссийского рынка».¹⁰ Но в отдельных хозяйствах чаще можно было встретить сочетание всех форм феодальной ренты.

В вотчине Антошиеву-Сийского монастыря преобладала рента денежная, хотя наряду с ней крестьяне привлекались к выполнению тех или иных монастырских повинностей, вносили определенное количество хлебных продуктов натурой.

Размер земельного участка отдельного крестьянского хозяйства в конце XVI в. редко превышал $\frac{1}{2}$ обжи, или 5 четвертей.

⁷ Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антошиеву-Сийского монастыря, № 466.

⁸ Там же, № 189.

⁹ Содержание этой борьбы освещено в работе Н. С. Чаева и в опубликованных им документах (Н. Чаев. Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антошиеву-Сийского монастыря в XVII в. Истор. архив, 1936, № 1, стр. 25—65).

¹⁰ А. А. Новосельский. Феодальное землевладение, стр. 181.

Во всяком случае в Сотной грамоте 1593 г. нет указаний на то, что у крестьян были участки выше указанного размера. Но многие крестьяне вынуждены были довольствоваться гораздо меньшим земельным участком — размером в $\frac{1}{3}$ обжи, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$ и даже $\frac{1}{8}$ обжи. Все монастырские крестьяне должны были выплачивать в монастырскую казну определенное количество оброка, взимавшегося преимущественно деньгами. Величина оброка определялась размером земельного участка, находившегося у крестьянина.

Приходо-расходные книги Сийского монастыря не всегда регулярно, но с большой скрупулезностью фиксировали поступления оброчных денег в монастырскую казну. Ввиду того что монастырь, как феодальный собственник, сам вносил в государственную казну деньги за крестьян, живших в пределах монастырской вотчины, он сам определял и величину оброка с отдельных крестьянских хозяйств. С некоторых он брал меньше приходившегося на их долю взноса, с других больше. Так или иначе общую сумму взносов за своих крестьян в государеву казну монастырь вносил полностью, но, надо полагать, и сам не оставался в убытке.

Монастырь с лихвой возмещал на одних крестьянах то, что, может быть, вынужден был потерять на других. Так, известно, что крестьяне Емецкого стана должны были вносить в государеву казну по 2 р. 26 а. 4 д. с малой сошки, т. е. с 3 обжей.¹¹ Крестьянину, имевшему в своем распоряжении участок в $\frac{1}{2}$ обжи, необходимо было внести не менее 15 алтын, исходя из этого расчета. Однако некоторые крестьяне платили меньше этой суммы. Например, Павлов из дер. Пермилово на р. Ваймуге, у которого было пашни $\frac{1}{2}$ обжи худой земли, вносил в монастырскую казну по 4 гривны в течение ряда лет. То же можно сказать и о некоторых других крестьянах, имевших тяглые участки в 1 обжу: «взято оброку с Волковской деревни за 90-й год у Лазаря 8 гривен»,¹² «взял у Пукшенского крестьянина 8 гривен оброчных денег за 91-й год».¹³ Но, с другой стороны, крестьянин дер. Коньтовской Ракульской волости Григорий Афанасьев, живущий на участке в $\frac{1}{4}$ обжи, вместо падающей на него доли примерно в 47 денег выплачивал ежегодно по рублю. Крестьяне дер. Дементьевской Койдокурской волости Кондратий Сысоев и Степан Хромцов вносили в монастырь с участка пахотной земли размером в 1 обжу 3 р. 6 а., что также превышало сумму данных и оброчных денег, взимавшихся с них в государеву казну. Если в 70-е и 80-е годы XVI в. такое положение не было еще распространенным явлением в монастырской вотчине, то с середины 90-х годов оно становится правилом. При этом характерно, что денеж-

¹¹ Истор. архив, 1936, № 1, стр. 40.

¹² Архив ЛОИИ, ф. 5, Приходо-расходная книга Антониново-Сийского монастыря, № 1, л. 126.

¹³ Там же, л. 133.

ные сборы с монастырских крестьян раньше не отличались от суммы сборов с черносошных крестьян. Сами же крестьяне сообщают, что на первых порах после того, как в 1578 г. они были записаны за Сийским монастырем, они платили даней и оброков по 2 р. 26 а. 4 д. с малой сошки, т. е. столько же, сколько они платили до этого в государственную казну.

К концу 90-х годов XVI в. положение резко меняется. Надо полагать, что монастырские власти максимально использовали те реальные выгоды, которые им давала правительственная политика по крестьянскому вопросу в конце XVI в. И установление «заповедных лет», и общая перепись 80—90-х годов, имевшая целью «запись крестьян в писцовые книги по тем землям, где их застали „заповедные годы“»,¹⁴ и указ 1597 г. об установлении урочных лет для сыска беглых крестьян — все это давало феодальным собственникам возможность для нового нажима на крестьянские массы, для усиления их эксплуатации.

Изменение в своем положении почувствовали и сами крестьяне. Об этом говорят их челобитные царю с жалобами на монастырские власти, прежде всего на игумена Иону, с именем которого крестьяне и связывали ухудшение своего положения. Игумен Иона, вступивший в управление монастырем в 1597 г., сразу же дал понять крестьянам, что они не вольны распоряжаться ни своей собственной судьбой, ни своими земельными участками. По распоряжению игумена Ионы крестьяне лишились права самовольно продавать или закладывать свои земли, которыми они свободно пользовались в прошлые годы.¹⁵ Одновременно он усиливает и эксплуатацию крестьян. Оброки с крестьян повышаются «вдвое и втрое». Если раньше с малой сошки крестьяне выплачивали 2 р. 26 а. 4 д., то теперь с них стали брать по 6 р. 26 а. 4 д. и по 7 р. Весь излишек, получавшийся в результате двойного и даже тройного увеличения поборов по произволу игумена Ионы, шел в монастырскую казну. Но и в этом не ограничился Иона. Увеличившаяся собственная монастырская папша уже не могла быть обработана только монастырскими детенышами и наемной рабочей силой. К ее обработке начинают привлекаться монастырские крестьяне. Работа на папше и покосах превращается в постоянную повинность монастырских крестьян, в барщину. «Сверх денег и оброку на монастырские труды имали на всякое лето с сошки по 3 человека», — сообщают крестьяне.¹⁶ Помимо этих трех человек с сошки, выделенных из среды крестьян для работы в монастырском хозяйстве в течение всего лета,

---

¹⁴ А. Г. Мапъков. Усиление феодальной эксплуатации в конце XVI в. В кн.: Очерки истории СССР. Конец XV в.—начало XVII в. М., 1955, стр. 466.

¹⁵ Истор. архив, 1936, № 1, стр. 45.

¹⁶ Там же, стр. 41.

все крестьяне привлекались для выполнения монастырского «зделя»: землю пахать и сено косить.

Интересно отметить, что появление в монастырском хозяйстве отработочной ренты, барщины, относится именно к концу XVI в. и служит свидетельством усиления закрепощения крестьян. Это обстоятельство уже неоднократно подчеркивалось в исторической литературе.¹⁷

Одновременно с барщиной крестьяне несли еще и натуральные повинности. Они должны были отдавать монастырю одну треть собранного на своих участках хлеба.

Об одновременном существовании в Антониево-Сийском монастыре всех трех форм феодальной ренты свидетельствует игумен Иона. В 1607 г. он обращается к царю Василию Шуйскому с жалобой на крестьян, отказавшихся подчиняться монастырским властям. Он пишет, что монастырские крестьяне «дапи и оброку и третного хлеба им в монастырь не платят... монастырского зделя не делают и ни в чем его игумена з братею не слушают (разрядка моя, — Г. О.)».¹⁸

Правительство не замедлило откликнуться на жалобы монастырских властей. Оно не только общей направленностью своей политики по отношению к крестьянству шло по линии его закрепощения, но и в каждом конкретном случае помогало феодалам укрепить свою власть над крестьянами. Ответная грамота из Москвы, пришедшая в монастырь в декабре 1607 г., предписывала крестьянам «жить на старых своих участках», «деревни не пустошить и государевы оброки и всякие подати в монастырь давати, и монастырское зделье делать, как было при прежних игуменах».¹⁹

Крестьяне предпринимали и позднее неоднократные попытки освободиться от монастыря, писали в Москву челобитные на «насилства» монастырских старцев, отказывались выполнять всевозможные монастырские повинности, вступали в открытые столкновения с монахами.²⁰

Классовая борьба в вотчине Антониево-Сийского монастыря достигла наибольшей остроты в 1611 г. Волнения крестьян продолжались вплоть до 1613 г. Дело дошло до того, что крестьяне «двух старцев убили до смерти и служек побивали и монастырскую казну грабили и с пашен монастырский хлеб и сено свозили сильно».²¹ Выступление монастырских крестьян было подавлено вооруженной силой. По просьбе монастырских властей сюда прибыли 100 стрельцов из Архангельска, которые многих

¹⁷ См.: А. Н. Сахаров. Антикрепостнические тенденции в русской деревне XVII в. *Вопр. истории*, 1964, № 3, стр. 70.

¹⁸ Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антониево-Сийского монастыря, картон 7, № 8.

¹⁹ Там же.

²⁰ Более подробно этот вопрос рассматривается в упоминавшейся работе Н. С. Чаева.

²¹ *Истор. архив*, 1936, № 1, стр. 60.

крестьян «переимав сковали в железа, свезли к Архангельскому городу и переметали в тюрьму».²²

Таким образом, монастырским властям при прямой помощи государства удалось расправиться с восставшими крестьянами и еще больше усилить их эксплуатацию. Размер взимаемого с крестьян денежного оброка увеличивается до 7 р. с малой сошки. Более строго регламентируется работа крестьян па монастырской пашне. Крестьяне должны были выполнять все распоряжения приказчиков. Приказчики, управлявшие монастырским хозяйством, нередко злоупотребляли своей властью и еще больше увеличивали поборы с крестьян.

На подобные действия одного из приказчиков жалуются игумену монастыря Никитка Григорьев, Вахрушко Петров и другие крестьяне Кривецкой волости: «...возили, государь, мы крестьяне с Кривого ваш монастырский хлеб к вам в Сийский монастырь. А ваших монастырских ходили 2 подводы. А щыне пошли 3 подводы. А приказчик Феодосей на нас на крестьянах хочет допрavitи за те подводы по гривне. А у нас, государь, oprич тех хлебных подвод ваших же монастырских людей возили в оба конца [в] Колмогоры и в монастырь и тех подвод накопилось с тридцать». Справедливость жалобы крестьян была настолько очевидной, что вскоре последовало и удовлетворение их просьбы. На обороте челобитной читаем: «лета 125 генваря 15, келарю Феодосию за подводы за монастырские на крестьянах денег не имати».²³

Помета на обороте крестьянской челобитной освобождает их от дополнительных расходов по оплате монастырских подвод, возивших с Кривого в Сийский монастырь хлеб. Но содержание самой челобитной говорит о том, что барщинные повинности крестьян включали еще и дополнительную обязанность — возить на крестьянских же лошадях монастырский хлеб и другие запасы, перевозить монастырских слуг и т. д.

Многочисленные повинности крестьян в пользу монастыря, а также государственные налоги, лежавшие на них, доводили крестьян до разорения. Положение крестьян в монастырской вотчине в первые годы царствования Михаила Федоровича было таково, что многие из них «пометав дворы свои безвестно разбрелись».²⁴

Однако в целом количество зависимого от монастыря крестьянского населения в XVII в. продолжало возрастать. Сравнение сотных грамот 1593²⁵ и 1627 гг.²⁶ дает возможность установить насколько выросло население монастырской вотчины за эти годы.

²² Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Аптошиев-Сийского монастыря, картоп 19, № 125.

²³ Там же, картоп 9, № 114.

²⁴ Там же, картоп 7, № 29.

²⁵ Там же, № 633 (Сотная грамота 1593 г., октября 30).

²⁶ Сб. ГРЭ, т. I, № 533 (Сотная грамота 1627 г., февраля 28).

По Сотной грамоте 1593 г. в Сийском монастыре было 116 крестьянских и 63 бобыльских двора. За этими дворами было записано 140 крестьян и 63 бобыля. К 20-м годам XVII в. (по Сотной грамоте 1627 г.) количество крестьянских дворов выросло до 160, а бобыльских — до 84. Соответствующим образом увеличилось и количество людей в этих дворах. Сотная грамота 1627 г. насчитывает 227 крестьян и 85 бобылей. Таким образом, за истекшие между двумя переписями 30—35 лет произошло увеличение крепостного населения в монастыре более чем на 100 человек.²⁷

Увеличение количества зависимого от монастыря населения в XVII в., так же как и во второй половине XVI в., шло по двум направлениям. Основным источником было внеэкономическое принуждение: интензивная захватническая политика Антониево-Сийского монастыря в Поморских уездах и помощь государственной власти. Наряду с этим немало крестьян оказывалось в пределах монастырской вотчины и теряло свою независимость в силу нужды и разорения.

Путем внеэкономического принуждения попали в Сийский монастырь в первой четверти XVII в. крестьяне, проживавшие на землях Покровского и Кривецкого монастырей. Монастыри эти в 1616—1618 гг. были присоединены к Антониево-Сийскому монастырю, к нему же в управление перешли и находившиеся здесь деревни с проживающими в них крестьянами. Население монастырской вотчины сразу же увеличилось на 62 человека.²⁸

В 1623 г. грамотой царя Михаила Федоровича к Сийскому монастырю было отведено несколько деревень Погосской волости Емецкого стана взамен такого же количества земельных участков в отдельных местах Двинского уезда. В отведенных деревнях находилось 8 крестьянских дворов.²⁹ Крестьяне этих деревень становятся крепостными Антониево-Сийского монастыря.

Многие крестьяне становились крепостными Антониево-Сийского монастыря в силу прямого захвата их земельных участков

---

²⁷ Разумеется, данные сотных грамот — как в отношении земельных владений, так и в отношении населения монастырской вотчины — не могут быть абсолютно точными. Оговорки в отношении точности данных, приводимых в писцовых и переписных книгах, в сотных грамотах, указаны в литературе по этому вопросу: С. Веселовский. Сошное письмо, т. I. М., 1915; А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения. СПб., 1890; Ю. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1937.

²⁸ Сб. ГРЭ, т. I, № 533.

²⁹ История приобретения этих деревень с угодьями рисуется следующими документами: «Доклад государю из Новгородской чети по челобитью крестьян Вараужской волости о дозоре и властей Сийского монастыря о том, чтобы писцы написали их сошным письмом особо от черных людей и отвели им вотчины в одном месте вблизи монастыря, взамен прикупных в разных волостях» (Акты писцового дела, т. 1, изд. С. Веселовского; Выписка из писцовых книг М. Вельяминова на обеленные монастырские деревни по государственной грамоте 1623 г., — см.: Архив ЛОИИ, ф. 5, Акты Антониево-Сийского монастыря, картон 11, № 17).

монастырем. Из «Росписи», представленной сотским Погосской сотни М. Зиновьевым и земским судьей Р. Мольковым от 26 декабря 1647 г., видно, что игумен Иона захватил различными путями около 30 деревень в Емецком стану и значительное число луговых пожеп.³⁰ Вместе с деревнями попадали в монастырь и жившие там крестьяне. Так, например, указывается, что игумен Иона «сильно» завладел участком села Большого у крестьян Ивана и Кузьмы Павловых. После смерти обоих крестьян их сыновья живут за Сийским монастырем. Дружинка Кузьмин и Федька Иванов Павловы записаны в писцовых книгах М. Вельяминова в 1622 г. как крепостные Сийского монастыря. Точно так же завладел игумен дер. Селивановской у крестьянина Онкудинка Степанова Лазарева, после чего и деревня эта, и сам Онкудинка Степанов становятся монастырскими. Еще один участок села Большого был захвачен у крестьянина Гаврилы Панкратова. В «Росписи» сказано, что «тот Гаврилко измер, а сын его Мишка живет за Сийским монастырем».

Бывали и такие случаи, когда волостной крестьянин, продавший свой земельный участок в монастырь, оставался жить на этом участке, но уже в качестве монастырского крепостного. В Сотной грамоте 1627 г. в дер. Мпкулинской записан крестьянин Савка Ширков. По сообщениям волостных крестьян, земельный участок Савки Ширкова перешел в Сийский монастырь по купчей его отца. В отдельных случаях в состав монастырских крепостных могли попадать и порядчики, поряжавшиеся на тот или иной участок монастырской земли на определенное количество лет с условием полной его обработки за эти годы. Так, например, в 1617 г. Клементий Иванов Корелянин пишет порядную запись игумену Сийского монастыря Ионе в том, что он берет «в вотчине монастырской на Исакове Горе пустошь на Кулябяке на роснаш (на льготу) на пять лет»³¹ и обязуется за эти пять лет не только распахать пустошь, но и застроить ее. Когда, казалось бы, срок порядка уже истек, Клишко Иванов Корелянин заносится в писцовые книги на том же самом участке дер. Исаковы Горы, где он порядился пять лет тому назад.

Привлекая все новые массы крестьян, монастырские власти стремились крепче связать их с монастырем, предотвратить возможные случаи ухода крестьян из пределов монастырской вотчины, заставить их беспрекословно выполнять все монастырские повинности. Об этом говорит применявшаяся властями Антониево-Сийского монастыря практика взимания с некоторых крестьян поручных записей, своеобразных крепостных документов. Впервые такие записи-поручительства появляются в Антониево-Сийском монастыре в 1613 г. Они были взяты у крестьян Емец-

³⁰ Там же, картон 44.

³¹ Там же, картон 9, № 120.

кого стана, которые пытались освободиться от власти Сийского монастыря. (Крестьяне сообщают, что монастырские старцы «вымучили» у них «кабалы»). От 1613 г. сохранилось 33 документа. В них подробно перечисляются все обязательства крестьян по отношению к монастырю. В случае невыполнения указанных обязательств и любых других распоряжений монастырских властей к ответственности привлекаются не только сами нарушители, но и те, кто поставил свои подписи под этими документами-обязательствами в качестве поручителей. К подобного рода обязательствам было привлечено 60 крестьян Емецкого стана.³²

Поручные записи как средство удержания за монастырем крестьян встречаются и позднее. Так, в 1629 г. путем поручных записей за монастырем закрепляется 10 бобылей.³³ В 1630 г. с помощью поручной записи за Сийским монастырем закрепляется крестьянин дер. Капцева Гора Осни Семенов: «Жити ему Осипу за нашу порукою в монастырской же вотчине бобылем, где игумен з братею прикажут... и в монастырскую казну оброчек платити и всякое монастырское зделье делати по игуменову приказу и вон из монастырской вотчины не убегают и игумена Иону з братею ни в чем не ослушаться и монастырских приказчиков».³⁴

Закрепление крестьянских масс и усиление их эксплуатации сопровождалось резким ухудшением материального положения крестьянства во второй четверти XVII в. Нагляднее всего об этом говорит факт роста задолженности крестьян монастырю. В 30—40-х годах XVII в. Антониево-Сийский монастырь был своеобразным кредитным учреждением районов Поморья. Крестьяне черных деревень, монастырские крестьяне, посадские люди северных городов постоянно обращались в монастырь за деньгами или за хлебом. Монастырь не препятствовал таким обращениям. Деньги давались в рост или под условия работы, а задолженность населения использовалась как один из поводов для закабаления крестьян или средство усиления их зависимости от монастыря. За первую половину XVII в., с 1600 по 1650 г., в монастырской казне было зафиксировано 426 заемных кабал. Наибольшее число их падает на 30—40-е годы XVII в. Если за период с 1600 по 1630 г. имеется 74 заемные кабалы, то с 1630 по 1650 г. их уже 350. Среди многочисленных должников Сийского монастыря не менее половины было монастырскими крестьянами. Большинство этих крестьян жило в более или менее удаленных от монастыря районах Уемской волости, в Сюзьме, в Неноксе, в Койдокурье и других местах. Денежные суммы займа не превышали 3—4 рублей, но обычно колебались

³² Там же, картон 44.

³³ Там же, картон 12, № 98.

³⁴ Там же, картон 14, № 9.

в пределах 1—2 рублей. Часто повторяющиеся суммы займа в 1 р. 16 а. 4 д., в 26 а. 4 д., в 2 р. 16 а. 4 д. и совпадение сроков займа указанных сумм у различных крестьян дают возможность предполагать, что это были обычные оброчные деньги в монастырскую казну, но не выплаченные к нужному сроку. Заемная кабала служила своего рода гарантией, что данный крестьянин выплатит эту сумму в более поздний срок. Нередки были и такие случаи, когда крестьянин брал в монастыре для своих нужд лошадь, обязываясь выплатить деньги за ее использование позднее, почему и писал на себя заемную кабалу. Так, крестьянин с уемской мельницы Василий Филишов записывает у монастыря 13 апреля 1643 г. 2 р. 15 а. 4 д. до сентября 1643 г. «А за те деньги, — говорилось в заемной кабале, — взял он, Василий, кабалу в Сийской деревне». Крестьяне Койдокурской волости Иван Панфилов и Яков Павлов также берут в монастыре лошадей — с обязательством уплатить деньги в монастырскую казну осенью.³⁵

В 30—40-е годы XVII в., наряду с общим увеличением количества заемных кабал в монастыре, увеличивается количество хлебных займов. Хлебные займы в монастыре делаются преимущественно в апреле—мае. Крестьяне чаще всего занимают в монастыре семенную рожь или пшеницу, чтобы засеять свои участки. Взятое зерно отдается с новым урожаем. Иногда крестьяне расплачиваются и деньгами по рыночной цене хлеба за меру, что предварительно также оговаривалось в заемной кабале. Хлебные займы еще теснее связывали крестьян с монастырем, давали монастырю новые возможности для усиления их эксплуатации. В 40-е годы XVII в. монастырь начинает практиковать отдачу зерна в долг при условии выплаты половинной доли всего урожая, полученного с этого зерна. Так, например, крестьяне с уемской мельницы Парфен Федоров и Омелян Севастьянов, взявшие 15 мая 1644 г. по 4 меры семенного жита, обязались вернуть монастырю половину будущего урожая.³⁶

И Парфен Федоров и Семен Омелянов, вынужденные брать жито на таких кабальных условиях, — не случайные должники Сийского монастыря. Оба они уже давно опутаны монастырскими долгами. И тот и другой начинают занимать в Сийском монастыре деньги еще в 1634 г. Оба они до 1644 г. успели обратиться в монастырскую казну за ссудой 8—9 раз. Омелян Севастьянов в 1636 г. пользовался еще и монастырской лошадью. Ясно, что после всего этого монастырю ничего не стоило предложить данным крестьянам семенное жито на условиях выплаты в монастырь половинной доли урожая. В таком же положении находятся и многие другие крестьяне Антошицево-Сийского мона-

³⁵ Там же, картон 17, №№ 151, 152, 155.

³⁶ Там же, картон 17, № 216.

стыря. Тяжелая нужда и разорение приводили массы крестьян к монастырским приказчикам за деньгами и за хлебом. Долговая кабала усиливала их зависимость по отношению к монастырю и служила существенным подспорьем к внеэкономическим формам принуждения.

Рост задолженности крестьян монастырю в 40-е годы XVII в. стоит в прямой связи с усилением феодальной эксплуатации, с ростом денежных и натуральных повинностей крестьян в пользу монастыря. Крестьяне Сийского монастыря в своей челобитной царю Алексею Михайловичу писали, что «со 155 году игумен з братею учели с них имати насильством с сошки по 17 рублей, да сверх тово монастырского изделья, бревна и тес и монастырские товары ставить безденежно».³⁷

Таким образом, используя различные средства, Антониево-Сийский монастырь в течение нескольких десятилетий становится крупным феодальным собственником, на землях которого трудятся сотни зависимых от него людей.

Положение Сийского монастыря, как и всех других феодальных землевладельцев в середине XVII в., становится еще более прочным и влиятельным в связи с тем, что в 1649 г. было принято Соборное уложение, явившееся крупнейшим законодательным актом, направленным на окончательное закрепощение крестьян.³⁸

---

³⁷ Истор. архив, 1936, № 1, стр. 52.

³⁸ Вопросу о влиянии Уложения 1649 г. на положение крестьян в монастырской вотчине посвящена статья: Г. Н. Образцов. Уложения 1649 г. и крестьяне вотчины Антониево-Сийского монастыря. Истор. зап., т. 63, 1958, стр. 269—282.